

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

A. CONAN DOYLE

SIR NIGEL

127 illustrations by Arthur Twidle

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

СЭР НАЙДЖЕЛ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
127 иллюстраций Артура Твидла

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Перевод с английского

Рисунок на переплете
Ильи Воронина

Дойл, Артур Конан
Д62 Сэр Найджел/ Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬ-
ФА-КНИГА», 2013.— 476 с.: ил.— (Иллюстрированное
издание).

ISBN 978-5-9922-1319-5

Историко-приключенческий роман Артура Конан Дойла — об эпохе завоевательных походов короля Эдуарда III Английского Плантагенета, о его коварных недругах и ближайших сподвижниках и трех подвигах молодого благородного рыцаря сэра Найджела Лоринга, сквайра, принесших ему истинную воинскую славу...

В настоящем издании впервые в России полностью публикуется цикл из 127 иллюстраций английского художника Артура Твидла.

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-9922-1319-5

© Перевод, Е. Корнеева. Наследники, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Глава I

ДОМ ЛОРИНГОВ

В июле 1348 года, между днями святого Бенедикта и святого Свитина, Англию поразило странное бедствие: на востоке вдруг появилась безобразная зловещая багровая туча и стала медленными клубами наползать на притихшее небо. В тени этой невиданной тучи увядала листва, замолкали птицы, а коровы и овцы жались к изгородям. На землю пала тьма, люди молча стояли, вперив глаза в тучу, и сердца их наливались тяжестью. Народ с трепетом собирался в церквах, и там дрожащую толпу исповедовали и благословляли такие же дрожащие священники. А за стенами церкви больше не порхали птицы, не слышалось лесных шорохов и обычного многоголосья природы. Все затихло и застыло, одна только огромная туча ползла, как чудовищный вал, над черным горизонтом. На западе еще виднелось ясное небо, с востока же неспешно надвигалась эта облачная громада, пока наконец не исчез последний голубой просвет и весь небосвод не превратился в сплошной свинцово-серый купол.

Потом начался дождь. Он лил весь день и всю ночь, лил целую неделю и целый месяц, пока люди не позабыли, что такое синее небо и солнечный свет. Дождь был не сильный, но холодный и лил, не переставая ни на миг. Людей изводил его непрерывный шорох и плеск струй,

Люди молча стояли, вперив глаза в тучу...

стекающих с кровли. И все время по небу, сея влагу, ползла с востока на запад эта разбухшая зловещая туча. Сквозь водную пелену, гонимую ветром, ничего нельзя было разглядеть уже в двух шагах от жилья. По утрам все первым делом задирали голову — не появится ли где просвет, но взгляд встречал все ту же бесконечную тучу, и тогда люди перестали смотреть на небо и сердца их переполнились отчаянием, оттого что всему этому не было конца. Дождь шел и на святого Петра, и на Рождество Богородицы, и в Михайлов день. Хлеба и сено промокли, почернели и погнили прямо на полях, потому что убирать их не стоило труда. Потом пали овцы и телята, и к святому Мартину на убой и зимнюю засолку не осталось почти никакой скотины. Народ боялся грядущего голода. Но то, что ожидало его, было куда страшнее.

Дождь наконец перестал, и хилые лучи осеннего солнца осветили вязкую жижу, в которую превратилась земля. Мокрые листья гнили, испуская зловоние, под пологом мерзостного тумана, поднявшегося над лесом. На полях выросли огромные грибы — раньше таких никто не видел. Багрово-лиловые, коричневые и черные, они были столь отвратительны, что казалось, на теле больной земли высыпали гнойные прыщи. Стены домов сплошь покрылись плесенью и лишайником. И сразу вслед за этой чудовищной порослью на раскисшей земле взошла Смерть. Люди стали умирать: мужчины, женщины и дети, бароны в своих замках и вольные крестьяне на своих подворьях, монахи в монастырях и крепостные в лачугах. Все вдыхали одни и те же гнилостные испарения, и все умирали одной и той же смертью — заживо разлагаясь. Никто из пораженных этой болезнью не выздоравливал. Болели все одинаково: на теле появлялись огромные нарывы, человек впадал в бред, кожа его покрывалась черными пятнами: от них-то и пошло название болезни — черная смерть. Всю зиму разлагающиеся трупы лежали на обочинах дорог, хоронить их было некому. Во многих деревнях не осталось ни души. Но вот пришла весна, а с ней солнце,

здоровье и радость. Это была самая зеленая, самая прекрасная и ласковая весна, которую когда-либо знала Англия. Но увидела ее только половина жителей страны — другую половину смела с лица земли та огромная багровая туча.

И все же именно в это время, в мутном потоке смертей, в гнилостных испарениях, рождалась новая Англия, поистине прекрасная и более свободная.

В час безысходности вдруг забрезжил проблеск зари: только такое страшное потрясение, разом изменившее всю жизнь, могло вырвать народ из железных цепей феодализма, сковавших его по рукам и ногам. Из смертного мрака выходила новая страна.

Под косой смерти полегли, как скошенная трава, бароны. Уберечь от этой угрюмой простолюдинки, разившей всех без разбора, не могли ни высокие башни, ни глубокие рвы. Деспотические порядки смягчились, ужесточаться они уже больше не могли. Земледелец не желал дальше оставаться рабом. Он сбросил оковы. Дела было слишком много, а людей слишком мало. Поэтому тем немногим, кто остался в живых, предопределено было стать свободными: свободно продавать свой труд, наниматься к кому пожелают. И именно черная смерть расчистила путь для великого восстания¹, которое началось тридцать лет спустя и сделало английского крестьянина самым свободным крестьянином в Европе.

Но таких, кто смотрел далеко в будущее и видел, что из зла, как это всегда бывает, произрастет добро, было очень мало. Покамест же в каждой семье царили нищета и горе. В одночасье иссякли все источники благоденствия: пал скот, погиб урожай, земли лежали непаханные. Богачи стали бедняками, а те, кто и раньше был беден, особенно бедняки из благородных, оказались и вовсе в безвыходном положении. По всей Англии разорилось мелкое дворянство, которое не знало иного ремесла, кроме войны, и пото-

¹ Крестьянское восстание 1381 года под предводительством Уота Тайлера. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

му жило за счет чужого труда. Для многих поместий наступили черные дни, но хуже всего пришлось поместью Тилфорд, находившемуся во владении уже нескольких поколений благородного семейства Лорингов.

В былые времена Лорингам принадлежали все земли от Северных холмов до Френшемских озер, а их мрачный замок, вздымавшийся над зелеными лугами на берегах реки Уэй, считался самой неприступной крепостью меж Гилдфордом на востоке и Уинчестером на западе. Но разразилась война баронов¹, король использовал своих саксонских подданных как кнут для укрощения норманнских баронов, и замок Лорингов, подобно многим другим, был стерт с лица земли. С той поры Лоринги, потеряв большую часть своих поместий, жили на положении вдовы, имея самое необходимое, но лишённые былой роскоши.

Потом началась их тяжба с Уэверлийским аббатством, когда цистерцианцы² предъявили притязания на их лучшие земли и феодальные владения. Великая тяжба длилась много лет, а когда кончилась, богатейшее поместье поделили между собой церковники и законники. Но старый господский дом сохранился, и в каждом поколении его обитателей рождался воин, с честью носивший свое имя: пять алых роз на его серебряном щите всегда были там, где им и надлежало быть, — в переднем строю. В часовенке, где отец Мэтью каждое утро служил мессу, было двенадцать надгробий — двенадцать бронзовых фигур воинов из рода Лорингов. Двое лежали скрестив ноги, как положено крестonosцам. Шестеро попирали ногами львов — они пали в битве. И только возле четверых были изображения их собак — в знак того, что они почили в мире.

¹ Восстание англо-французских феодалов под предводительством Симона де Монфора-младшего в 60-х годах XIII века против короля Англии Генриха III (1227—1272), окончившееся поражением последнего при Льюисе 24 июня 1265 года.

² Монашеский орден, ветвь бенедиктинского ордена. В основу монашеской жизни легло строгое исполнение бенедиктинского устава.

Из всего этого славного, но разоренного рода, разоренного дважды — правосудием и чумой, в 1349 году в живых оставалось только два человека: леди Эрментруда Лоринг и ее внук Найджел. Муж леди Эрментруды пал от руки шотландского копейщика в битве при Стерлинге, а сын ее Юстас, отец Найджела, умер славной смертью за девять лет до начала нашего повествования на борту норманнской галеры в битве при Слэйсе¹ у прибрежного тогда города Сленга (нынешние Нидерланды). Одинокая старая леди, ожесточившаяся и погруженная в скорбь, сидела, как сокол в клетке, у себя в комнате и снисходительна была только к мальчику, которого она вырастила. Дарованные ей природой любовь и нежность, так глубоко упрятанные от постороннего глаза, что никто не мог даже заподозрить в ней подобных чувств, изливались на Найджела. Она не отпускала его от себя, а он, исполненный уважения к старшим, как того требовали обычаи времени, никуда не отлучался, не получив ее согласия и благословения.

Поэтому Найджел, в груди у которого было львиное сердце, а в жилах бурлила кровь многих поколений воинов, в свои двадцать два года все еще влачил тоскливые дни в поместье, натаскивая соколов и собак, живших со своими хозяевами под одной крышей. Старая леди Эрментруда видела, что день ото дня внук мужает и набирается силы и, хотя он не вышел ростом, мышцы его тверды как сталь, а душа пылает огнем. Со всех сторон — и от гилдфордского кастеляна, и с фарнемского турнирного поля — до нее доходили толки о его дерзкой удали и смелости, о том, как он бесстрашен в скачке и как мастерски владеет оружием. И все же она, потерявшая мужа и сына, не могла смириться с мыслью, что и этот мальчик, единственный потомок Лорингов, последний отпрыск такого славного старого древа, разделит их участь. Скрепя сердце, но с улыбкой на устах нес он бремя своей монотонной

¹ Б и т в а п р и С л ё й с е — победа английского флота над французским в 1330 году при короле Эдуарде III (1327—1377).

*Найджел влачил тоскливые дни в поместье,
натаскивая соколов и собак...*

жизни, меж тем как старая леди под разными предлогами оттягивала страшный миг разлуки: то до той поры, пока урожаи не станут богаче, то пока монахи из Уэверли не вернут им отнятые земли, то пока не умрет его дядя и не

оставит ему денег на снаряжение, словом, под любым предлогом, какой мог удержать внука возле нее.

И правду сказать, Тилфорду никак было не обойтись без мужчины, потому что распри с аббатством так и не прекращались, и монахи до сих пор пытались отхватить то один, то другой кусок земли своих соседей. Над излучиной реки, за зелеными лугами поднималась приземистая квадратная башня и крепкие серые стены мрачного монастыря. Колокола его не умолкали ни днем ни ночью, грозя маленькой семье новыми бедами.

В сердце этого огромного цистерцианского монастыря и зародилась наша хроника, повествующая о распре между монахами и домом Лорингов со всеми последующими событиями, вплоть до прибытия Чандоса¹, о пресловутой схватке копейщиков на Тилфордском мосту и о подвигах, которые принесли Найджелу воинскую славу...

Давайте вернемся вместе в прошлое и взглянем на зеленую сцену Англии. Декорации на ней те же, что и в наше время: холмы, равнины и реки; актеры же, хотя во многом тоже похожи на нас, но многим и отличаются — мысли, поступки у них иные, и кажутся они обитателями не нашего мира.

Глава II

КАК УЭВЕРЛИ ПОСЕТИЛ ДЬЯВОЛ

Было первое мая, праздник святых апостолов Филиппа и Иакова. Шел 1349 год со дня пришествия Спасителя.

Время с девяти часов до полудня, а потом с трех до шести преподобный отец Джон, настоятель аббатства Уэверли, проводил у себя в покоях, занимаясь соответственно своему высокому званию многочисленными важными делами. На много миль во все стороны простирались туч-

¹ Ч а н д о с, Д ж о н (?—1370) — известный английский полководец времен Столетней войны.

ные земли процветающего монастыря, и он был их полновластным хозяином. А в центре владений поднимались монастырские здания: церковь, кельи, странноприимный дом, зал капитула и трапезная, и повсюду кипела жизнь. Сквозь открытое окно слышались приглушенные голоса братьев, которые прогуливались внизу под аркадами, ведя благочестивые беседы. С другой стороны внутреннего двора, то усиливаясь, то затухая, доносились духовные песнопения — там регент старательно занимался с хором, а в зале капитула брат Петр скрипучим голосом втолковывал послушникам устав святого Бернарда.

Аббат Джон встал и потянулся. Потом выглянул наружу и осмотрел зеленую лужайку и изящные ряды готических арок крытой галереи, по которой в черно-белых одеждах прогуливалась братия. Монахи медленно ходили парами по кругу, низко опустив голову. Несколько человек, кто поусерднее, вынесли из библиотеки фолианты и сидели на солнце, разложив перед собой дощечки с красками и стопки тонких, полупрозрачных листков золота. Сутуля плечи, они склонялись над белым пергаментом. Там же сидел и гравер на меди со своими резцами. Правда, в отличие от основного ордена бенедиктинцев, занятия искусствами и науками не были в обычае цистерцианцев, но вся библиотека Уэверли хранила много драгоценных манускриптов, которыми занимались благочестивые ученые братья.

Славились, однако, цистерцианцы не учеными трудами, а земледельчеством. По монастырскому двору то и дело проходили монахи с выпачканными в земле мотыгами и лопатами, в рясах, подоткнутых до самых колен, загорелые, только-только с полей или из садов. Тучные длиннорунные овцы на буйной зелени заливных лугов, пашни, отвоеванные у вересковых пустошей и зарослей папоротника, виноградники, спускавшиеся с южного склона Круксберийского холма, рыбные садки в Хэнкли, огороды на осушенных Френшемских бо-

*Монахи медленно ходили парами по кругу,
низко опустив голову.*

лотах, просторные голубятни — вот что окружало огромный монастырь и без слов говорило об упорных, тяжелых трудах ордена.

На полном румяном лице аббата заиграла довольная улыбка, когда он обвел взглядом свое обширное, но прекрасно налаженное хозяйство. Как и всякий глава процветающего монастыря, преподобный Джон — уже чет-

вертый настоятель, носивший это имя, — был человеком разносторонне образованным. При помощи им самим изобретенных методов ему приходилось управлять немалым хозяйством, а заодно поддерживать порядок и благочиние среди большого сообщества людей, давших обет безбрачия. От тех, кто стоял ступенью ниже, он требовал жесткой дисциплины, в сношениях со стоявшими выше был тонким дипломатом. Он вступал в ожесточенные споры с соседними монастырями и лордами, с епископами и папскими легатами, а при случае и с самим его величеством королем. Положение обязывало его быть сведущим и разрешать самые разные споры, касающиеся самых разных вещей: философии и лесного хозяйства, земледелия, осушения болот, феодальных законов. В его руках были весы правосудия всей округи, простиравшейся на много-много миль — от Гэмпшира до Суррея. Гнев его грозил монахам постом, ссылкой в обитель с более суровыми порядками и даже заточением в оковы. Мирян он тоже мог подвергать всяким наказаниям, кроме смертной казни; впрочем, в руках у него было оружие пострашнее — отлучение от церкви.

Вот такой властью наделен был аббат, и неудивительно, что на румянном лице его лежал отпечаток этой власти, а братия, перехватив его внимательный взгляд из окна покоев, спешила принять еще более смиренный и благочестивый вид.

Стук в дверь вернул настоятеля к текущим делам, и он снова сел за стол. Он уже переговорил обо всем с экономом, приором, раздавателем милостыни, капелланом и чтецом, а теперь в высоком худом монахе, который, повинаясь его жесту, вошел в покои, он узнал самого важного и самого изворотливого из своих доверенных лиц, брата Сэмюэла, ризничего, который, подобно управляющему светским поместьем, смотрел за монастырским имуществом, вел дела с внешним миром и отчитывался только перед аббатом. Брат Сэмюэл был сух, жилист и стар, суровые резкие черты его лица не одухотворялись светом свы-

ше и отражали лишь тот низменный, будничный мир, что был его уделом. Под мышкой он держал толстую счетную книгу, в свободной руке болталась большая связка ключей, знак его должности, а также, под горячую руку, и орудие расправы, о чем свидетельствовали многочисленные шрамы на головах крестьян и братьев-мирян.

Настоятель тяжело вздохнул: усердный брат доставлял ему немало хлопот.

— Ну, брат Сэмюэл, в чем дело?

— Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть господину Болдуину из Уинчестера на два шиллинга за тюк дороже, чем в прошлом году. Цены-то на шерсть после овечьего мора поднялись.

— Хорошо сделал, брат.

— Еще вот что: я выкинул Уота, арендатора, из его халупы, потому что он с самого Рождества ничего не платит да налог на кур за прошлый год еще не внес.

— Но, брат, ведь у него жена и четверо детей.

Настоятель был добр и мягок. Впрочем, он довольно легко уступал своему суровому подчиненному.

— Так-то оно так, святой отец, да только если я ему спущу, то как же мне стребовать налог с патнемских лесников или с деревенских крестьян? Такие слухи разлетаются быстро. И что тогда станется с богатствами Уэверли?

— Что еще, брат Сэмюэл?

— Еще садки.

Лицо у настоятеля просветлело. В этом деле он был знатоком. Правила ордена отняли у него более нежные улады жизни, с тем большим жаром он отдавался радостям дозволенным.

— Как там хариусы, брат мой?

— Прекрасно, святой отец. Да вот в аббатском садке стали пропадать карпы.

— Карп хорошо себя чувствует только в пруду с песчаным дном. И запускать его в садок надо умеючи — три самца на одну самку с икрой, брат ризничий. Садок должен быть в локоть глубиной, дно каменистое, с песком, а

по берегу — ивы и трава. И чтобы там не продувало. Линь любит ил, а карп — песок.

Тут ризничий подался вперед с видом человека, принесшего дурные вести.

— В аббатском садке завелись шуки.

— Шуки! — в ужасе воскликнул настоятель. — Это все равно что волки в овчарне. Откуда взялись в пруду шуки? В прошлом году не было никаких шук, а ведь шуки не выпадают с дождями и не бьют из ключей. Пруд надо спустить, иначе в Великий пост нам придется есть одну вяленую треску, и все начнут болеть до самого Светлого воскресенья, пока оно не разрешит нас от воздержания.

— Пруд непременно спустят, святой отец, я уже распорядился. В ил мы посадим зелень, а когда уберем ее, снова пустим воду и рыбу из нижнего садка, пусть жирует на стерне.

— Очень хорошо! — воскликнул настоятель. — Я бы в каждом хорошем хозяйстве имел по три садка: один без воды, один мелкий для мальков и сеголеток и один глубокий для взрослой и предназначенной для стола рыбы. Но все же, как шуки попали в аббатский садок?

Лицо ризничего исказилось от злости, и ключи, которые он с силой сжал в костлявой руке, загремели.

— Это все молодой Найджел Лоринг! — сказал он. — Он пообещал навредить нам, вот и выполнил свое обещание.

— Откуда ты знаешь?

— Полтора месяца назад видели, как он каждый день ловил шук на большом Френшемском озере, а два раза его встречали ночью с охапкой соломы в руках у Хэнклийского холма, и я уверен, что солома у него была мокрая, а в ней лежали живые шуки.

— Я слышан о его выходках, — покачал головой аббат, — но теперь, если все, что ты сказал, правда, они перешли все границы. Ведь это он, по слухам, застрелил королевского оленя в Вулмер-Чейз, и одно это уже непростительно. А потом еще проломил голову этому борцу Хоббсу, и тот неделю пролежал у нас в лазарете, находясь

между жизнью и смертью. И спасло его только то, что брат Петр — искусный травник. Но напустить щук в аббатский садок — что за дьявольская затея!

— Он ненавидит наш монастырь, святой отец. Он говорит, что мы захватили земли его отца.

— Ну, в этом есть доля правды.

— Но, святой отец, мы взяли только то, что дал нам закон.

— Твоя правда, брат, но все же, между нами говоря, надо признаться, что полный кошелек часто перетягивает весы правосудия. Когда мне случается проходить мимо старого дома и видеть эту краснолицую старуху с недобрым взглядом, источающим проклятия, которые она не осмеливается произнести, мне всякий раз хочется, чтобы у нас были какие-нибудь другие соседи.

— Это легко сделать. Об этом я и шел поговорить с вами. Нам ничего не стоит согнать их с места. Недоимки скопились у них за добрых тридцать лет, а в Гилдфорде есть стряпчий Уилкинз, который вчинит им такой иск, что этим нищим гордецам придется продать крышу над головой, чтобы заплатить все сполна. Через три дня они будут у нас в кулаке.

— Я не хотел бы обойтись с ними слишком жестоко. Это славный старинный род.

— Вспомните о щуке среди карпов.

При этой мысли сердце аббата исполнилось твердости.

— Да уж, и впрямь дьявольская выходка. А мы только-только пересадили туда новую молодежь. Ну что ж, закон есть закон. И даже если он несет в себе горе, все равно он закон. Иски уже предъявлены?

— Стряпчий со своими людьми ходил туда вчера, да этот ярый юнец набросился на него и гнал до самого Гилдфорда. Парень мал ростом да шуплый на вид, но уж как разойдется, посильнее многих будет, законник божится, что шагу туда больше не сделает, разве что с полудюжиной лучников.

При известии о новом оскорблении лицо настоятеля вспыхнуло гневом.

*...и один из монахов с побелевшим от ужаса лицом
распахнул дверь и ввалился в комнату.*

— Я покажу ему, что слуги святой церкви, даже если это покорнейшие и смиреннейшие ее чада из ордена святого Бернарда, могут постоять за себя и дать отпор любому наглецу. Теперь ступай и вызови его на аббатский суд. Пусть завтра после трех явится в капитул.

Но осторожный ризничий покачал головой:

— Нет, святой отец, еще не подошло время. Дайте мне три дня, и все иски против него будут готовы. Нельзя за-

бывать, что и отец, и дед этого дерзкого сквайра прославили себя подвигами и были первыми рыцарями на службе у самого короля. Они жили в чести и умерли, исполняя свой рыцарский долг. Нынешняя леди Эрментруда Лоринг была первой фрейлиной у матушки короля. Роджер Фиц-Аллен Фарнемский и сэра Хью Уолкотт из Гилдфордского замка сражались бок о бок с отцом Найджела и приходится ему родней по материнской линии. И так уж говорят, что мы обошлись с ними жестоко. Вот я и думаю, что нам лучше быть поосторожнее и подождать, пока чаша его злодеяний не переполнится.

Настоятель открыл было рот, чтобы ответить, но их разговор был неожиданно прерван: снизу, от келий, донесся какой-то шум, а под аркадами слышались взволнованные выкрики монахов. От такого вопиющего нарушения приличий и порядка со стороны их послушных овец аббат и ризничий застыли, изумленно уставившись друг на друга, как вдруг на лестнице раздались торопливые шаги и один из монахов с побелевшим от ужаса лицом распахнул дверь и ввалился в комнату.

— Отец настоятель! — закричал он. — Горе нам, горе! Умер брат Джон! И святой помощник приора тоже умер! А на стоакровом поле гуляет дьявол!

Глава III СОЛОВЬИЙ КОНЬ ИЗ КРУКСБЕРИ

В те незатейливые времена жизнь изобиловала чудесами и тайнами. Люди жили в страхе и священном трепете, чувствуя близость Неба у себя над головой и ада под ногами. Рука Божия виделась им во всем: в радуге и в комете, в громе и в молнии. Дьявол тоже в открытую неистовствовал по всей земле: в сумерках он прятался под изгородями, по ночам хохотал, вцеплялся в умирающего грешника, набрасывался

на некрещеного ребенка и выкручивал руки и ноги эпилептику. Нечистый повсюду крался за своей жертвой и нашептывал ей всякие гадости, зато над нею все время парил и ангел-хранитель, указуя ей стезю спасения. Да и какие могли быть сомнения, если во все это веровали и папа, и священники, и сам король и нигде во всем мире еще не прозвучало ни единого вопроса?

Каждая прочитанная книга, увиденная картина, сказка, услышанная от матери или няньки, — все источники учили одному и тому же. А если кому случалось отправиться в путешествие по белу свету, его вера укреплялась еще более, потому что, куда бы ни заносила его судьба, он видел бесконечные гробницы с прахом святых, и каждая была окружена ореолом легенд о множестве чудес, доказательством которых служили кучи костей да серебряные сердца, выкованные по обету. Каждый поворот судьбы показывал человеку, как тонка завеса, отделяющая его от обитателей невидимого мира, и как легко ее порвать.

Поэтому ошеломляющее сообщение перепуганного монаха было воспринято присутствующими как нечто ужасное, но отнюдь не невозможное. Лицо аббата на миг побледнело, но он тут же вытащил из стола распятие и храбро вскочил на ноги.

— Веди меня к ним! — воскликнул он. — Покажи мне нечистого, который осмелился поднять руку на братию в святом монастыре! Сбегай вниз к капеллану, брат, и попроси его принести с собой все, что нужно для заклинания дьявола: и священный ларец с мощами, и кости святого Иакова из-под алтаря! Они помогут нашим смиренным кающимся сердцам повергнуть силы тьмы.

Однако у ризничего был более скептический склад ума. Он схватил монаха за руку и сжал ее так, что у того потом несколько дней не сходило пять синяков.

— Разве так входят в покои настоятеля? Почему ты не постучался, не поклонился, не сказал «*Pax vobiscum*»¹? —

¹ Мир вам (*лат.*).

сурово спросил он. — Ты же всегда был кротчайшим из послушников, смиренно набирался благочестивой мудрости, усердно пел псалмы, соблюдал себя в строгости. Соберись с мыслями и отвечай на мои вопросы. В каком образе явился нечистый и как он столь ужасно поразил наших братьев? Ты видел его сам, своими глазами, или только повторяешь, что слышал? Да говори же, не то я немедленно поставлю тебя на покаяние.

От такой угрозы перепуганный монах, казалось, поупокоился, однако побелевшие губы, затравленный взгляд и тяжелое дыхание выдавали его внутренний ужас.

— Если позволите, святой отец, и вы, досточтимый ризничий, дело было так. Сегодня с шести часов помощник приора Иаков, брат Джон и я резали в Хэнкли папоротник для коровников. Потом мы пошли домой стоакровым полем, и только святой помощник приора стал рассказывать одну историю из жизни святого Григория, как вдруг раздался шум, словно начался ливень, нечистый перескочил через стену, что огораживает заливной луг, и как вихрь налетел на нас. Он повалил брата Джона на землю и затоптал его в грязь. Потом схватил зубами доброго помощника приора и стал бегать кругами по полю, тряся его, словно узел тряпья. Я совсем остолбенел и только твердил про себя одно «Верую» и три «Богородица, Дева», но тут дьявол бросил помощника приора и кинулся ко мне. Святой Бернард помог мне перелезть через стену, но дьявол успел вцепиться зубами мне в ногу и оторвать сзади весь подол рясы.

Сказав это, монах повернулся и подтвердил свои слова — со спины у него свисала располосованная ткань его одеяния.

— Так в каком же образе предстал Сатана? — повторил настоятель.

— В образе огромного солового коня, святой отец, такого страшного коня с огненными глазами и зубами, как у грифона.

— Если позволите, святой отец, и вы, досточтимый ризничий, дело было так.

— Соловый конь! — и ризничий сверкнул глазами в сторону перепуганного монаха. — До чего ты глуп, брат! Что же ты станешь делать, когда тебе и впрямь придется встретиться лицом к лицу с Князем Тьмы, если тебя так напугал вид солового коня? Ведь это собственность фрэнкалина¹ Эйлварда, отец мой. Мы конфисковали животное за то, что Эйлвард задолжал монастырю добрых пятьдесят шиллингов, а денег ему взять неоткуда. Гово-

¹ Ф р э н к л и н — свободный крестьянин.

рят, такого скакуна не найдешь ни в одной конюшне по всей округе, даже в Уиндзоре у короля. Он происходит от испанского боевого коня и арабской кобылы той линии, которую Саладин¹ вел только для себя, говорят даже, что он держал ее в собственном шатре. Я отобрал коня за долги и велел работникам, которые его привели, оставить его одного на заливном лугу — мне говорили, что эта тварь в самом деле уж очень норовиста и что от нее пострадал не один человек.

— В черный день привел ты это чудовище в монастырь, — сказал настоятель. — Если помощник приора и брат Джон действительно погибли, то конь этот хоть и не сам дьявол, но уж верно орудие дьявола.

— Конь он, дьявол ли, только я слышал, как он визжал от удовольствия, когда топтал брата Джона. А если бы вы видели, как он трепал помощника приора, словно собака крысу, — вы бы, верно, почувствовали то же, что и я.

— Ну пойдем и посмотрим собственными глазами, каких он натворил бед, — сказал настоятель.

И трое монахов стали быстро спускаться по лестнице, ведущей к кельям.

Не успели они ступить на землю, как худшие их опасения рассеялись: в это самое мгновение в участливо галдящей толпе братьев показались два страдальца. Они хромали, рысы их были порваны и перепачканы грязью. Однако крики и вопли, доносившиеся снаружи, говорили, что где-то за оградой разыгрывается новая драма. Аббат и ризничий поспешили вперед так быстро, насколько это позволяла необходимость блюсти достоинство сана, пока не вышли за ворота и не оказались возле стены, отгораживающей луг. Взглянув поверх нее, они стали свидетелями необычайного зрелища.

¹ С а л а д и н — получившая распространение в Западной Европе форма имени Салах-ад-дина (1138—1193), султана Египта в 1171—1193 годах, курда, основателя династии Эйюбидов, который успешно боролся с крестоносцами в Палестине.

На лугу, по шиколотку в густой траве, стоял великолепный конь, при виде которого затрепетало бы сердце воина или ваятеля. Конь был желтой, соловой масти, но с гривой и хвостом не светлого, а рыже-коричневого окраса. Семнадцати пядей ростом, с корпусом и задними ногами, которые говорили о невероятной силе, с изысканными линиями шеи, холки и плеч, он являл собой изумительный образец породы. Конь был поистине прекрасен. Он стоял, осев на широко расставленные задние ноги, высоко подняв голову на гордо откинутой шее, уши его стояли торчком, грива вздыбилась, ноздри трепетали от ярости, глазами он грозно, с высокомерным вызовом, поводил из стороны в сторону.

На почтительном расстоянии, взяв его в кольцо, к нему подбирались шестеро монастырских крестьян и лесников с веревками наготове. Время от времени огромное животное, ощерив зубы, с развевающейся гривой и гордо поднятой головой, великолепным броском отворачивалось то к одному, то к другому преследователю и с громким ржанием гнало его к спасительной стене. Тогда остальные забегали сзади, безуспешно пытаясь набросить веревки коню на ноги или на голову, но всякий раз тоже отступали в ближайшее укрытие.

Если бы им удалось заарканить красавца хотя бы двумя веревками, если бы на лугу было что-нибудь, за что можно было бы закрепить их концы — пень или валун, — человеческий разум, пожалуй, и одолел бы силу и стремительность животного. Но если разум полагал, что с помощью веревок нельзя добиться ничего, кроме как подвергнуть опасности того, кто ими размахивал, то разум глубоко заблуждался.

То, что легко было предвидеть, случилось как раз в минуту, когда монахи прибыли к месту происшествия. Конь, загнав одного из нападающих за стену, остановился, храпом изливая на него поперх стены свое презрение, и дал возможность остальным подобраться к нему с тыла. В воздухе взвилось несколько веревок, и одна обвилась вокруг

гордой шеи, утонув в косматой гриве. В одно мгновение животное обернулось, и люди, спасаясь, бросились врассыпную, но лесник, набросивший аркан, замешкался, не зная, как ему лучше воспользоваться своим успехом. Миг нерешительности стал роковым. В ужасе он увидел над собой животное, вставшее на дыбы. И тут же конь, с грохотом обрушив на него копыта, одним движением швырнул его наземь. Лесник с криком вскочил, но снова был сбит с ног и замер, весь дрожа, с окровавленной головой, а дикая лошадь — в ярости самое жестокое и страшное существо на свете — кусала, трепала и лягала извивающееся тело человека.

За высокой стеной в рядах увенчанных тонзурами голов раздался громкий вопль, но тут же замер и сменился долгим безмолвием, пока, наконец, его не нарушили восторженные крики благодарения и радости.

По дороге к старому, потемневшему от времени господскому дому по склону холма ехал юноша. Он сидел на тощей, неуклюжей, косматой лошадке ростом с жеребенка. На нем был старый, залатанный камзол, когда-то алый, а теперь весь выгоревший, перепоясанный засаленным кожаным поясом, — жалкий наряд. Однако осанка, посадка головы, изящные движения и смелый, открытый взгляд голубых глаз — все говорило о его благородном происхождении и позволило бы ему занять достойное место в любом обществе. Ростом юноша был невелик, но сложен удивительно изящно. Хотя кожа на его лице покрылась загаром и огрубела, черты были тонки и выразительны, знак духа живого и горячего. Густые русые кудри выбивались из-под плоской шляпы, золотистая бородка скрывала крепкий квадратный подбородок. Его мрачно-ватую одежду оживляло лишь перо скопы, приколотое к шляпе золотой пряжкой. От внимания стороннего наблюдателя не ускользнуло бы ни это перо, ни другие мелочи в его облике — короткая, ниспадающая складками накидка, охотничий нож в кожаных ножнах, перевязь, на которой висел бронзовый рог, мягкие сапоги из оленьей кожи и

Небольшая фигурка остановилась, выпрямилась и металлическим концом хлыста нанесла коню сильнейший удар по голове.

острые шпоры. Однако память сохранила бы не это, а его загорелое лицо в золотистом ореоле и живые, искрящиеся отвагой веселые голубые глаза.

Вот такой молодой человек скакал в сопровождении полудюжины собак, весело помахивая хлыстом, на своем

неказистом пони по Тилфордской дороге. Оттуда он и увидел комедию, разыгравшуюся на монастырском лугу, и тщетные усилия уэверлийских служителей. На губах его появилась презрительная усмешка. Однако он тут же понял, что комедия превращается в кровавую драму, и в одно мгновение из безучастного зрителя преобразился в стремительного могучего воина. В один прыжок он соскочил с лошади, другим перемахнул через каменную стену и бросился бежать по лугу. Отпустив на миг свою жертву, соловый конь заметил приближение нового врага, с презрением оттолкнул копытом распростертое на земле, все еще корчащееся тело и ринулся ему навстречу.

На этот раз враг не спасался бегством, не спешил укрыться за стеной. Небольшая фигурка остановилась, выпрямилась и металлическим концом хлыста нанесла коню сильнейший удар по голове. И так повторялось при каждом новом броске коня. Тщетно лошадь становилась на дыбы, пыталась повергнуть врага ударами плеч и копыт. Проворно, но спокойно тот увертывался от призрака смерти, и снова раздавался свист и стук тяжелой рукояти, без промаха наносившей новый удар.

Наконец конь отступился. Бешеным, но удивленным взором сверкнул он на непобедимого незнакомца и побежал рысью по кругу. Грива и хвост его развевались на ветру, уши стояли торчком, он храпел от боли и ярости. Молодой человек, едва удостоив взглядом своего свирепого соседа, подошел к раненому леснику, поднял его, обнаружив силу, которую никак нельзя было ожидать в таком шуплом теле, и отнес его к ограде. Добрая дюжина рук протянулась из-за стены ему на помощь. Он не спеша взобрался на стену и спокойно-презрительно улыбнулся соловому коню, который сделал последнюю яростную попытку напасть на него. Потом спрыгнул на другую сторону, и его тотчас окружили монахи. Они благодарили и на все лады превозносили его. Он хотел было повернуться и уйти, не проронив ни слова, но тут к нему подошел сам аббат Джон.

— Нет-нет, сквайр Лоринг, не уходите. Хоть вы и не друг нашему монастырю, мы вынуждены признать, что сегодня вы поступили как истинный христианин. Ведь тем, что наш работник еще дышит, мы обязаны только вам... И конечно, нашему благословенному заступнику — святому Бернарду.

— Клянусь святым Павлом! — воскликнул молодой человек. — У меня нет к вам никаких добрых чувств, настоятель Джон. На земле Лорингов лежит тень вашего монастыря. А что до сегодняшней пустяковой услуги, так мне не нужна ваша благодарность. Я поступил так не ради вас и вашего монастыря, а лишь ради собственного удовольствия.

От этих дерзких слов настоятель вспыхнул и в досаде прикусил губу. Но тут вмешался ризничий:

— Было бы пристойней и благородней говорить со святым отцом аббатом уважительно, как того требует его высочайшее положение и почтение, на которое вправе рассчитывать князь церкви.

Юноша обратил на ризничего смелый взгляд голубых глаз, его загорелое лицо еще больше потемнело от гнева.

— Если бы не ваша ряса да седина в волосах, я поговорил бы с вами иначе. Вы, как тощий волк, рычите от жадности у нас под дверьми, чтобы заграбастать и то малое, что у нас осталось. Со мной вы можете говорить и делать что угодно, только, клянусь святым Павлом, если я узнаю, что ваша жадная стая досаждала леди Эрментруде, я вот этим самым хлыстом выбью их всех с клочка земли, который один из всех и остался у нас из всего, чем владели наши предки.

— Полегче, Найджел Лоринг, полегче! — воскликнул настоятель, подняв вверх палец. — Вы что, не чтите английский закон?

— Я чту справедливый закон и повинуюсь ему.

— Разве вы не почитаете святую церковь?

— Я почитаю все, что в ней есть святого. Но без всякого почтения отношусь к тем, кто выжимает последние соки из бедняков или крадет земли своих соседей.

— Не дерзите. Многих отлучали и не за такие слова. Впрочем, нам не следует сегодня строго судить вас. Вы молоды и горячи, и неподобающие слова легко срываются у вас с языка. Как там лесник?

— Ранен он тяжело, отец аббат, но жив будет, — сказал один из монахов, оторвав глаза от распростертого тела. — Если пустить кровь да попоить травяными настоями, ручаюсь, через месяц он будет на ногах.

— Тогда отнесите его в лазарет и подумаем, что нам делать с лошадью. Видите, эта тварь все еще тарасит из-за стены глаза и храпит, словно поносит святую церковь, как сквайр Найджел.

— Тут пришел фрэнклин Эйлвард, — сказал один из братьев, — лошадь-то его, он, надо думать, и заберет ее.

Но крепкий краснощекий фермер отрицательно покачал головой:

— Ну уж нет! Эта зверюга дважды гоняла меня по всему выгону и чуть не убила моего Сэмкина. Парню так хотелось проехаться на ней, его и сейчас ничем не утешить. Никто из батраков не может войти к ней в стойло. Вот уж поистине в дурной день взял я этого коня из конюшен Гилдфордского замка, знал ведь, что они там не могли с ним справиться, никто не хотел рискнуть сесть на него. Ризничий забрал его за долги в пятьдесят шиллингов, по дешевке, пусть и делает с ним что хочет. На мою ферму в Круксбери конь больше не вернется.

— Здесь он тоже не останется, — сказал настоятель. — Брат ризничий, ты вызвал дьявола, тебе его и усмирять.

— Охотно! — воскликнул ризничий. — Пусть брат казначей вычтет из моего недельного содержания пятьдесят шиллингов, так что монастырь ничего не потеряет. Вон стоит Уот с арбалетом и стрелой за поясом: пусть он вгонит ее в голову этой проклятой твари: ее шкура да копыта стоят побольше, чем она сама.

*Вдруг удар хлыста
подбросил оружие
вверх...*

Крепкий загорелый старик-охотник, отстреливавший хищников в монастырских лесах, вышел вперед и широко улыбнулся. Наконец-то после лисиц и горностаев перед ним была благородная жертва, и

она должна была пасть от его руки. Он вложил стрелу в арбалет, поднял его к плечу и нацелился на свирепую гордую косматую голову, которая в дикой пляске металась по ту сторону стены. Он уже положил палец на спуск, как вдруг удар хлыста подбросил оружие вверх, и стрела, не причинив никому вреда, улетела за монастырский фруктовый сад. Охотник в замешательстве отшатнулся под гневным взглядом Найджела Лоринга.

— Поберегите стрелы для своих хорьков, — сказал сквайр. — Неужели ты готов отнять жизнь у твари, которая только тем и виновата, что не нашла еще того, кто смирит ее неукротимый дух? Ты хотел убить лошадь, на которой с гордостью скакал бы сам король, и только за то, что у какого-то фермера, или монаха, или монастырского работника не хватает ума да ловкости обуздать ее?

Ризничий быстро обернулся к сквайру:

— Хотя вы и нагрубили нам, монастырь обязан вам за то, что вы сегодня сделали. Если вы считаете, что лошадь хороша, вам бы, наверное, хотелось иметь ее. А раз мне все равно платить за нее, то, с позволения святого отца настоятеля, она теперь моя собственность и я дарю ее вам.

Аббат дернул подчиненного за рукав.

— Подумайте, брат ризничий, — шепнул он, — как бы кровь этого человека не пала на наши головы.

— Он упрям и горд, как эта лошадь, святой отец, — ответил ризничий, и на его мрачном лице появилась злорадная усмешка. — Кто бы кого ни переломал, он лошадь или лошадь его, все будет на благо миру. Если вы не позволите мне...

— Нет, нет, брат. Вы выкупили лошадь и вольны дарить ее кому пожелаете.

— Тогда я отдаю ее, со всей шкурой, и копытами, и хвостом, и норовом, Найджелу Лорингу, и да будет она так же мила и почтительна к нему, как он был к братьям Уэверлийского монастыря.

Ризничий говорил громко, под смешки монахов. А тот, кому предназначались эти слова, был уже далеко. Как только он понял, какой оборот принимает дело, он бросился туда, где оставил своего пони, снял с него удила и крепкую уздечку и, оставив его щипать придорожную траву, поспешил обратно.

— Я принимаю твой дар, монах, — сказал он, — хотя прекрасно понимаю, зачем ты это делаешь. И все же я благодарю тебя за него, потому что на всем свете есть только две вещи, о которых я страстно мечтал, но мой то-

ший кошелек не позволял мне их купить. Одна из них — благородный конь, что стоит перед вами, — единственный, кого бы я выбрал из всех лошадей. Укротить его будет нелегко, зато это принесет мне славу и почет. А как его зовут?

— Его зовут Поммерс, — сказал фермер. — Но предупреждаю вас, сэр, его невозможно оседлать. Многие пытались, сэр, но даже самому везучему он сломал ребро...

— Благодарю за предупреждение, — сказал Найджел. — Теперь я вижу, что это и впрямь конь, ради которого я пошел бы хоть на край света. Я создан для тебя, Поммерс, как ты для меня. И сегодня вечером ты это поймешь, или мне никогда больше не понадобится лошадь. Сегодня мы померяемся с тобой, и пусть Господь Бог даст тебе побольше сил, Поммерс, чтобы борьба была труднее и принесла мне побольше славы.

С этими словами сквайр взобрался на стену и твердо встал на ноги, держа в одной руке уздечку, а другой сжимаемая хлыст. Он казался воплощением изящества и отваги. Тотчас лошадь с бешеным храпом, оскалив зубы, рванулась к нему. И снова тяжкий удар металлического наконечника заставил ее отпрянуть. В то же мгновение, быстро прикинув взглядом расстояние, Найджел подался всем телом вперед, взвился в воздух, упал на коня и оказался на его широкой желтой спине. Минуту-другую ему стоило невероятных усилий удерживаться — без седла и уздечки — на животном, которое, как безумное, бушевало под ним, то становясь на дыбы, то бросаясь из стороны в сторону. Наконец ноги Найджела стальными обручами обхватили вздымающиеся ребра лошади, а его левая рука зарылась глубоко в темно-рыжую гриву.

Никогда еще в монотонную жизнь смиренной уэверлийской братии не врывалось ничего подобного этой неистовой схватке. Желтый конь вселял в душу ужас, но он был прекрасен. С раздувающимися от ярости, налитыми кровью ноздрями и безумными глазами конь метался из стороны в сторону, становился на дыбы, стремительно

опускался на ноги, то склонял свирепую косматую голову до самой земли, то взлетал на добрых восемь футов и бил копытами воздух. Гибкое тело на его спине клонилось, как тростник под ветром, то в одну сторону, то в другую. Ниже пояса всадник словно окаменел, выше — отзывался на каждое движение коня. Лицо его было спокойно и дышало непреклонной волей, а глаза сверкали восторгом борьбы. Все усилия огромного животного с пламенным сердцем и железными мышцами были тщетны — всадник прочно удерживал свое господство.

Один раз монахи в ужасе закричали: становясь все выше и выше на дыбы, лошадь в последнем безумном усилии опрокинулась на всадника, но тот успел в последний миг выскользнуть из-под тела животного, прежде чем оно коснулось земли. Спокойно, пнув ногой катавшегося по земле коня, он подождал, пока тот встанет на ноги, и, ухватившись за гриву, снова легко вскочил ему на спину. Даже мрачный ризничий не мог удержать возгласа одобрения, когда Поммерс, с изумлением обнаружив, что всадник все еще сидит у него на спине, бросился вперед, в поле, выделывая отчаянные курбеты.

Конь пришел в еще большее неистовство. В мрачных глубинах его неукротимого сердца родилось дикое желание даже ценой собственной жизни насмерть расшибить сидевшего на ней всадника. Его налитые кровью, сверкающие глаза искали орудие смерти. С трех сторон поле было обнесено высокой стеной, которую прорезали тяжелые четырехфутовые деревянные ворота. С четвертой стороны стояло длинное серое здание, один из монастырских амбаров. В нем не было ни окон, ни дверей. Конь перешел на галоп и устремился прямо к его отвесной тридцатифутовой стене. Он был готов сам разбиться об нее, лишь бы вышибить дух из человека, захотевшего добиться господства над существом, которое никогда не знало господина.

В стремительном галопе, почти касаясь задними ногами брюха, грохоча копытами по земле, взбесившаяся лошадь все быстрее и быстрее несла всадника к стене. Что

Ему стоило невероятных усилий удерживаться на животном, которое, как безумное, бушевало под ним, то становясь на дыбы, то бросаясь из стороны в сторону.

сделает Найджел? Соскочит на траву? И значит, подчинится воле животного, на котором сидит? Нет, у него был и другой выход. Невозмутимо, быстро и решительно он перехватил хлыст и уздечку в левую руку, а правой сдернул

с плеч короткий плащ и, вытянувшись вдоль напряженно вздрагивающей спины лошади, набросил развевающуюся ткань ей на глаза.

Результат превзошел все ожидания, однако всадник едва не оказался на земле. Когда выкаченные жаждущие кровавой мести глаза вдруг оказались в темноте, изумленный конь так резко замер на месте, упершись передними копытами в землю, что Найджел перелетел к нему на шею и еле-еле удержался за гриву. Прежде чем он успел соскользнуть обратно, опасность миновала: непонятное явление заставило животное позабыть о своих намерениях, оно еще раз развернулось и, дрожа всем телом, нетерпеливо скидывая голову, сбросило наконец плащ с глаз. Леденящий душу мрак растаял, перед глазами снова был луг с залитой солнцем травой.

Но вот кто-то опять покушается на его свободу! Откуда взялся во рту такой отвратительный кусок железа? А ремни на шее? От них так зудит кожа! А что это такое стянуло обручем грудь? Как страшно! В те несколько мгновений, пока лошадь стояла неподвижно, прежде чем сбросить плащ, Найджел успел протянуть руку, просунуть ей меж зубами мундштук и проворно закрепить уздечку.

От этого нового унижения, этого символа рабства и позора, в сердце солового коня снова забурлила слепая, безудержная ярость. Прикосновение сбруи привело его в неистовство. Он ненавидел и само это место, и людей — все и всех, что угрожало его свободе. Ему страстно хотелось навсегда избавиться от них, никогда больше их не видеть. Умчаться на край света, на безграничные свободные равнины. Унести за далекий горизонт от этого ужасного куска железа, от невыносимой власти человека.

Конь резко развернулся и одним величественным прыжком, легко, как олень, перескочил через четырехфутовые ворота. Шляпа слетела у Найджела с головы, его русые кудри взметнулись на ветру, когда вместе с лошастью он взвился в воздух и снова опустился на землю. Теперь они были на заливном лугу, перед ними, сверкая, журчал

ручей футов двадцать шириной, впадавший ниже в реку Уэй. Соловый конь как стрела перелетел через него. Миновав большой валун, он сделал новый скачок и оставил позади кустарник, росший на противоположном берегу. Там до сих пор лежат два камня, отмечая длину этого прыжка — добрых одиннадцать шагов от одного отпечатка копыт до другого. Конь промчался под широко распростертыми ветвями огромного дуба на том берегу (его и теперь показывают как былую границу аббатства). Он надеялся сбросить с себя всадника, но Найджел распластался на напрягшейся спине лошади, зарывшись лицом в развевающуюся гриву.

Корявый сук сильно полоснул его по спине, но Найджел не потерял присутствия духа и не ослабил хватку. Становясь на дыбы, рывками бросаясь вперед, Поммерс пронесся через молодую рощу и вылетел на широкие просторы Хэнклийских холмов.

И началась скачка, о которой по сию пору рассказывают в бедных крестьянских хижинах и отголосок которой можно услышать в немудреных созвучиях старой суррейской баллады, теперь почти позабытой, от которой сохранились лишь несколько строк припева.

На Хайндхед может лань взлететь,
Обгонит сокол ветер,
Но Найджелов соловый конь
Мчит всех быстрее на свете.

Теперь перед ним простирался волнующий океан темного вереска, доходившего до колен. Огромными валами он поднимался к четким очертаниям возвышающегося впереди горного склона. Над ним синел мирный купол неба, солнце клонилось к Гэмпширским холмам. Поммерс неся через густой вереск, через лощины и ручьи, взлетал на крутые откосы оврагов. Сердце его разрывалось от ярости, каждая частица тела трепетала от перенесенного унижения.

Но что бы конь ни делал, человек крепко сжимал ногами его вздымающиеся бока и не отпускал развевающуюся гриву. Он молчал и не шевелился, но, позволяя коню выделывать все что угодно, был неумолим, как судьба, упорно ведущая к своей цели. Огромная желтая лошадь неслась все вперед и вперед, поскользывалась, спотыкалась, делала невероятные скачки, но ни на миг не сбавляла своей страшной скорости. Они миновали Хэнклийские холмы, пронеслись через Терслийские болота, поросшие камышом, который доходил лошади до заляпанной грязью холки, поднялись на высокий склон Хедлендского холма, спустились к Наткумскому ущелью. Обитатели Шоттермила слышали сумасшедший топот копыт, но не успели отогнать на дверях занавеси из бычьей шкуры, как лошадь и всадник уж исчезли из виду среди высоких папоротников Хейзлмирской долины. Конь несся вперед, оставляя за собой милю за милей. Никакое болото не могло остановить его, никакая гора не могла замедлить его безумный бег. Будь то крутой подъем на Линчмир или пологий на Фернхерст, он с грохотом мчался по ним, как по ровному месту. И только когда он слетел вниз с Хенлийского холма и впереди за рощей показались серые башни Мидхерстского замка, его напряженно вытянутая шея стала наконец едва заметно клониться к груди и дыхание участилось. Куда бы он ни бросил взгляд — в сторону рощи или вперед по склону, он не видел ничего похожего на те свободные просторы, к которым стремился.

И тут над ним совершили еще одно неслыханное насилие. Довольно было и того, что человек все еще крепко держался у него на спине, так нет, теперь он стал сдерживать бег коня и направлять его по своей воле: конь почувствовал, как что-то больно дернулось у него во рту, и голову его повернули на север. Конечно, ему все равно, куда бежать, но человек, видно, сошел с ума, если решил, что норы такой лошади, как Поммерс, уже сломлен. Он скоро покажет своему врагу, что до победы еще далеко, даже если для этого придется сверх всякой меры напрячь мыш-

цы и надорвать сердце. И конь понесся назад, вверх по длинному склону. Сможет ли он одолеть вершину? Он сам себе не признавался, что силы его на исходе, что он едва может двигаться дальше. А человек держался на нем все так же крепко. Пена клочьями покрывала коня, он весь был заляпан грязью. Глаза налились кровью, ноздри раздувались, он тяжело дышал открытым ртом, шерсть стала жесткой, от нее валил пар. Он побежал вниз с Сандийского холма и оказался у глубокого Кингслийского болота. Все, довольно. Ни плоть, ни кровь не могут этого больше вынести. Выбираясь из заросшей тростником трясины, по щиколотку в густой черной грязи, он наконец замедлил бег и, со всхлипом втягивая воздух, перешел с тяжелого галопа на легкий.

И вот новое бесчестье! Где же предел его унижениям? Ему уже не позволяют самому выбирать себе аллюр! До сих пор он шел галопом, потому, что сам того хотел, а теперь его заставляет чужая воля! В бока впились шпоры, удар хлыста ожег плечи. От боли и стыда конь подскочил на месте. Потом, забыв, что у него устали ноги, что ему трудно дышать, что пот струится по всему телу, — забыв обо всем на свете, кроме невыносимого позора и пылающего внутри пламени, он снова понесся бешеным галопом. Он опять несся по вересковым склонам в сторону Уэйдаунской пустоши. Все дальше и дальше летел он вперед. Но вот силы снова стали его покидать, у него опять задрожали ноги, он стал задыхаться; он хотел было сбавить ход, но острые шпоры и удар хлыста заставили его снова рвануться вперед. В глазах у него потемнело, от усталости кружилась голова.

Конь не видел, куда ставит ноги, ему стало все равно, куда бежать. Им владело одно безумное желание — как угодно избавиться от ужасного врага, который восседал у него на спине, мучил и не отпускал его. Он пронесся через Терсли, выкатив от боли глаза, с разрывающимся сердцем, он миновал деревушку и, подгоняемый хлыстом и шпорами, уже перевалил было через гребень Терслийско-

Это был не кто иной, как сам молодой сквайр, ведущий на поводу, как пастух ягненка, страшного солового коня из Круксбери.

го холма, как вдруг мужество разом покинуло его, вся сила куда-то ушла, с глубоким мучительным всхлипом соловый конь рухнул на вереск. Падение было так внезапно, что Найджел перелетел через шею лошади. Теперь человек и животное, задыхаясь, лежали рядом в вереске. Последняя красная полоска вечерней зари утонула за Батсером, и в лиловом небе замерцали первые звезды.

Первым пришел в себя молодой сквайр. Склонившись над задыхающейся загнанной лошастью, он ласково провел

рукой по спутанной гриве и покрытой пеной морде. Лошадь обратила на него взгляд налитых кровью глаз, но теперь он прочел в них лишь удивление, а не ненависть, мольбу, а не угрозу. Когда он погладил мокрую от пота морду, лошадь тихо заржала и ткнулась мордой ему в ладонь. Этого было достаточно. То был конец борьбы. Рыцарственный враг сдавался на милость рыцаря-победителя.

— Ты мой конь, Поммерс, — прошептал Найджел и прижался щекой к вытянутой шее. — Я узнал тебя, а ты меня, и с помощью святого Павла кое-кто еще узнает нас обоих. А теперь пойдём-ка к тому вон озерку: уж не знаю, кому из нас сейчас нужнее вода.

И так уж случилось, что, возвращаясь поздно вечером домой с дальних ферм, несколько монахов Уэверлийского монастыря видели странную картину, о чем они не преминули рассказать в обители, так что в тот же вечер их рассказ дошел до ушей и ризничего, и настоятеля. А рассказали они вот что: когда они шли через Тилфорд, им встретились человек и конь, которые шли голова к голове по дороге к господскому дому. Посветив фонарями, чтобы лучше разглядеть эту пару, они увидели, что это не кто иной, как сам молодой сквайр, ведущий на поводу, как пастух ягненка, страшного солового коня из Круксбери.

Глава IV

КАК В ТИЛФОРДСКОЕ ПОМЕСТЬЕ ПРИБЫЛ СТЯПЧИЙ

те дни, о которых повествует наша хроника, аскетическая строгость старинных норманнских замков уже смягчилась и облагородилась, так что новые жилища знати хотя и утратили былую внушительность, стали гораздо удобнее. Новое, более утонченное поколение дворян приспособливало свое жильё больше для нужд мирной жизни, чем для войны.

Всякий, кому вздумалось бы сравнить первобытную наготу замков Певенси или Гилдфорда с пышным великолепием Бодмина или Уиндзора, не преминул бы отметить огромную разницу в стиле убранства, который они олицетворяют.

В более отдаленные времена замки строили с вполне определенной целью — помочь завоевателям удержать страну в руках. Но когда те окончательно утвердились на завоеванных землях, замки утратили свое былое назначение убежищ, где владельцы спасались от врага, и теперь за их стенами укрывались разве что от преследований суда, да еще они были центром междоусобных раздоров. На болотистых равнинах Уэльса и Шотландии замки еще сохраняли роль бастионов, охранявших границы королевства, и там они множились и процветали. Во всех же других уголках страны они скорее представляли угрозу его величеству королю и потому не пользовались его покровительством, а частенько и просто уничтожались. Ко времени царствования Эдуарда III большая часть старинных боевых крепостей либо превращалась в обыкновенные жилища, либо была разрушена во дни гражданских смут. Их мрачные серые остовы и по сей день виднеются над вершинами наших холмов. На смену им вводились либо большие дворцы, способные, правда, при нужде держать оборону, но в основном все-таки служившие жильем, либо просто дома без всяких оборонительных сооружений.

Таким был и дом в Тилфорде, где последние представители некогда славного рода Лорингов изо всех сил старались сохранить свой последний оплот и не дать монахам и законникам захватить несколько жалких акров земли, что еще оставались во владении семьи. Дом был двухэтажный, срубленный из двух рядов толстых деревянных брусьев, между которыми были заложены неотесанные камни. На второй этаж, в спальню, вела наружная лестница. В нижнем этаже было только два помещения. Меньшее служило спальней старой леди Эрментруде. Второе, очень

Там жил паж Чарлз, старый сокольник Питер... и другие, оставшиеся от прежних дней благоденствия...

большое, — залой. Ее использовали как гостиную для членов семьи и как общую столовую, где принимали пищу и хозяева, и несколько их слуг и других челядинцев. Помещения, где эти слуги жили, а также кухни, службы и конюшни были просто рядом сараев и навесов, примыкавших к задней стенке главного здания. Там жил паж Чарлз, старый сокольник Питер, Рыжий Суайер, который состоял при деде Найджела еще во времена войн с Шотландией, бывший менестрель Уэдеркот, повар Джон и другие, оставшиеся от прежних дней благоденствия и прилепившиеся к старому дому, как ракушки к остову сидящего на мели корабля.

Однажды вечером, спустя неделю после укрощения солового коня, Найджел и его бабушка сидели в зале у большого погасшего очага. Они уже поужинали, и столы — большие столешницы на козлах — тоже были убраны, отчего комната казалась пустой и неудобной. Каменный пол был устлан толстым слоем зеленого камыша, который каждую субботу выметали вместе со всей грязью и мусором, скопившимся за неделю. На камыше пристроились несколько собак; они глодали и грызли брошенные им со стола кости. У одной стены стоял длинный деревянный буфет с тарелками и блюдами. Другой мебели в зале почти не было, если не считать двух скамеек у стен, двух кресел с высокими спинками, столика с расставленными на нем шахматными фигурами и большого железного сундука. В углу возвышалась подставка, и на ней величаво восседали два сокола. Они не издавали никаких звуков и не шевелились, только изредка мигали хищными желтыми глазами.

И если человека, привыкшего к роскоши более поздних времен, убранство комнаты поразило бы скудостью, он был бы поражен более, бросив взгляд наверх: на стенах он увидел бы множество удивительных вещей. Над камином висели гербы всех домов, связанных с Лорингами узами крови или брака. Два факела, горевшие по обе стороны камина, освещали тусклым светом голубого льва дома Перси, красных птиц де Валенсов, черный зубчатый крест де Моэнов, серебряную звезду де Веров и червленую перевязь Фиц-Аллена. Все они располагались вокруг пяти знаменитых алых роз на серебряном щите, который Лоринги со славой пронесли через столько кровавых сражений. Под потолком, из конца в конец, комнату пересекали тяжелые дубовые брусья, на которых тоже висело множество замечательных предметов: кольчуги, сработанные еще древними мастерами, несколько щитов, заржавелых помятых шлемов, луки, копья, конская сбруя, дротики для охоты на выдру, удочки и многие другие орудия боя или охоты. Еще выше, в темноте, под самым сводом крыши,

виднелись ряды окороков, связки копченой грудинки, засоленных гусей и других видов мясных заготовок, которые так много значили для средневекового домашнего хозяйства.

Леди Эрментруда Лоринг — дочь, жена и мать воинов — и сама являла грозную фигуру. Она была высока ростом и худа, с резкими жесткими чертами лица и черными глазами, выражавшими непреклонную волю. Ни ее седые волосы, ни согбенная спина не могли умалить чувство страха, который она внушала окружающим. Ее мысли и память постоянно обращались назад, в суровое прошлое. Англия нового времени казалась ей страной выродившейся, изнеженной, далеко отошедшей от старых добрых правил рыцарской учтивости и доблести.

Ей в равной мере претило и то, что народ набирает силу, а церковь богатеет, и то, что знать утопает в роскоши и что сама жизнь становится все утонченнее. По всей округе боялись не только ее грозного вида, но и тяжелой дубовой палки, без которой она не могла передвигать свои немощные ноги.

И все же, хоть ее и боялись, она пользовалась всеобщим уважением. Ведь в дни, когда книг было мало, а грамотеев и того меньше, очень ценились те, кто хорошо помнил о событиях прошлого и складно говорил. А где, как не в доме леди Эрментруды, неграмотные молодые сквайры Суррея и Гэмпшира могли послушать про подвиги своих дедов или получить знания по геральдике и рыцарскому этикету, которые она приносила им из века более сурового и воинственного? При всей ее бедности, она была единственным человеком в Суррее, к которому охотно обращались со всеми вопросами, касающимися правил поведения или старшинства родов.

Сейчас она сидела скрючившись у остывшего очага и смотрела на Найджела. Суровые черты старого, в красных прожилках лица смягчились, в них светились любовь и гордость. Молодой сквайр, тихонько насвистывая, делал для своего арбалета тонкие стрелы на мелкую дичь. Слу-

чайно подняв голову, он поймал устремленный на него взор темных глаз. Подавшись вперед, он погладил костлявую руку:

— Чему вы так радуетесь, милая госпожа? По глазам вашим вижу, что вас что-то радует.

— Сегодня мне рассказали, как тебе достался этот огромный боевой конь, что бьет копытами на конюшне.

— Что вы, что вы, госпожа! Я ведь уже говорил вам, что его подарили мне монахи.

— Да, сын мой, об этом ты говорил, а вот обо всем остальном промолчал. Будто я не понимаю, что лошадь, которую ты привел, ничуть не похожа на ту, что дали тебе монахи. Почему ты мне ничего не рассказал?

— Право, неловко рассказывать о таких пустяках.

— Вот-вот. То же самое сказал бы и твой отец, и твой дед. Когда в былые времена рыцари собирались за столом, а чаша доброго вина шла по кругу, они сидели молча и только слушали рассказы о разных подвигах. А если кто хотел особо выделиться и начинал говорить громче других, отец твой, бывало, тихонько дергал его за рукав и спрашивал, нет ли на нем какого обета, от которого отец мог бы его освободить, и не удостоит ли он отца сразиться с ним в благородном поединке. Если рыцарь замолкал, потому что был просто хвастун, отец тоже ничего больше не говорил, и все оставалось между ними. Ну а если тот держался достойно, твой отец повсюду прославлял его имя, при этом ни словом не упоминая о себе самом.

Найджел смотрел на старую женщину сияющими глазами.

— Я очень люблю, когда вы так говорите о нем. Прошу вас, расскажите еще раз, как он принял смерть.

— Он принял смерть, как и жил, истинным дворянином. Она пришла к нему во время большой битвы у берегов Нормандии. Отец был начальником готовой команды на корабле самого короля. А за год до этого, когда французы взяли верх в Проливе и сожгли Саутгемптон, они захватили один большой английский корабль «Христофор».

Так вот, когда началось сражение, они пустили этот корабль впереди своих судов. Но англичане тут же окружили его, ворвались на борт и перебили всех, кто там был. В живых остался только сэра Лоредан Генуэзский, он был командиром корабля. И он сразился с твоим отцом на юте. Это было великолепное зрелище. Весь флот замер, чтобы полюбоваться им, даже король не мог удержать возгласов восхищения. Ведь сэра Лоредан был знаменитый воин, в тот день он прямо горел отвагой, и многие рыцари завидовали твоему отцу, что ему довелось биться с таким знаменитым противником. Отец твой заставил его отступить и нанес сильный удар булавой по голове. От удара шлем сэра Лоредана повернулся так, что глазные прорезы оказались сзади, и он как бы ослеп. Он бросил меч и сдался за выкуп. Но отец твой ухватился за шлем и повернул его обратно. Когда сэра Лоредан стал снова видеть, отец протянул ему меч и предложил отдохнуть, а потом снова продолжить схватку, ибо ни от чего не будет дворянину столько пользы и удовольствия, как от достойного поведения другого дворянина. И они сели рядом у борта. А потом, не успели они снова взяться за мечи, как в отца твоего попал камень, пущенный из баллисты, и он тут же скончался.

— А что было с сэром Лореданом? — воскликнул Найджел. — Он ведь тоже умер?

— Кажется, его просто пристрелили лучники. Они очень любили твоего отца. Да и смотрят они на такие вещи иначе, чем мы.

— Какая жалость! — заметил Найджел. — Ясно же, что он был доблестный рыцарь и храбро сражался.

— В былое время, когда я была молода, простолюдины не посмели бы поднять свою грязную руку на такого человека. Люди благородной крови, носящие доспехи, воевали друг с другом, а все остальные — лучники или копейщики — могли только устраивать драки между собой. А теперь все стали равны. И лишь изредка встречается чело-

век такой, как ты, мой милый сын, который напоминает мне о тех, кого уже давно нет.

Найджел склонился и взял ее за руки:

— Таким меня сделали вы.

— Это правда, Найджел. Я растила тебя, как садовник растит свой самый драгоценный цветок. Ведь ты — единственная надежда нашего древнего рода. И скоро — очень-очень скоро — останешься один.

— Не надо, милая госпожа, не говорите так.

— Я очень стара, Найджел, и чувствую, как на меня надвигается тень смерти. Мое сердце жаждет смерти, потому что все, кого я знала и любила, умерли раньше меня. А ты... Что ж, для тебя это будет счастливый день, ведь я не отпускаю тебя в тот мир, куда рвется твоя отважная душа.

— Не надо! Мне хорошо и здесь, с вами, в Тилфорде.

— Мы очень бедны, Найджел. Я просто не знаю, где нам достать денег тебе на военное снаряжение. Впрочем, у нас есть добрые друзья. Есть сэр Джон Чандос. Он так отличился в войнах с французами, что с той поры всегда скачет по левую руку от короля. Он был другом твоему отцу, они вместе были посвящены в рыцари. Если я пошлю тебя ко двору и ты отвезешь ему письмо, он сделает все, что сможет.

Найджел залился краской.

— Нет, нет, госпожа Эрментруда. Я сам должен добыть себе снаряжение, как добыл коня. Я скорее пойду сражаться в этом камзоле, чем приму доспехи от кого-либо другого.

— Вот этого-то я и боялась, Найджел. Но я, право, не знаю, где взять денег, — печально произнесла старая женщина. — При жизни моего отца все было иначе. Я отлично помню, что достать кольчугу было проще простого, потому что их делали в любом английском городе. Но с каждым годом люди стали все больше заботиться о своем теле, простых кольчуг им стало мало, все хотелось чего-то позатейливее — то тут приладить непробиваемую пластину, то там что-нибудь по-особому склепать. А ведь такие штуки

Найджел с тоской взглянул на старое оружие...

приходилось привозить из Толедо либо из Милана. И вот уже рыцарю надо сперва набить металлом кошелек и лишь потом прикрыть им тело.

Найджел с тоской взглянул на старое оружие, висевшее на балках у него над головой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Дом Лорингов	5
<i>Глава II.</i> Как Уэверли посетил дьявол	12
<i>Глава III.</i> Соловый конь из Круксбери	20
<i>Глава IV.</i> Как в Тилфордское поместье прибыл стряпчий	41
<i>Глава V.</i> Как настоятель Уэверлийского монастыря судил Най- джела	60
<i>Глава VI.</i> Леди Эрментруда открывает железный сундук	80
<i>Глава VII.</i> Как Найджел поехал за покупками в Гиллфорд	93
<i>Глава VIII.</i> Соколиная охота короля на круксберийских вересках	113
<i>Глава IX.</i> Как Найджел защищал Тилфордский мост	129
<i>Глава X.</i> Как король встретил своего сенешаля из Кале	141
<i>Глава XI.</i> У Даплинского рыцаря	156
<i>Глава XII.</i> Как Найджел победил горбуна из Шэлфорда	172
<i>Глава XIII.</i> Как сотоварищи ехали по древней дороге	191
<i>Глава XIV.</i> Как Найджел преследовал Рыжего Хорька	221
<i>Глава XV.</i> Как Рыжий Хорек посетил Косфорд	251
<i>Глава XVI.</i> Как король пировал в замке Кале	264
<i>Глава XVII.</i> Испанцы в море	279
<i>Глава XVIII.</i> Как Черный Саймон получил заклад от короля острова Акулы	306
<i>Глава XIX.</i> Как встретились английский сквайр и французский дворянин	319
<i>Глава XX.</i> Как англичане пытались взять замок Ла Броиньер	343
<i>Глава XXI.</i> Как в Косфорд отправился второй гонец	360
<i>Глава XXII.</i> Как Робер де Бомануар прибыл в Плоэрмель	382
<i>Глава XXIII.</i> Как тридцать жосленцев встретились с тридцатью плоэрмельцами	393
<i>Глава XXIV.</i> Как Найджела призвал его господин	413
<i>Глава XXV.</i> Как французский король держал совет в Мопертюи	430
<i>Глава XXVI.</i> Как Найджел совершил третий подвиг	443
<i>Глава XXVII.</i> Как в Косфорд прибыл третий гонец	468